

Микроакторы, изменяющие повседневные практики

*Ю.А.Левада,
доктор философских наук,
ВЦИОМ*

Элита и "массы" в процессах трансформации

Исследователей общественного мнения иногда упрекают в том, что они занимаются "средними" данными, упуская из виду реальное разнообразие социальных групп. Это верно лишь отчасти, так как в серьезных исследованиях всегда выделяются показатели, относящиеся к отдельным группам (это знают, например, читатели нашего "Мониторинга", в том числе в его табличной части). Но в массовых опросах неизбежным является то, что плохо видны численно небольшие группы, играющие важную роль в обществе. Особенно те, которые можно отнести к элитарным. Между тем, чем больше сложных проблем ставит перед нами современное общественное развитие, чем больше здесь запутанных узлов и противоречий, тем виднее, сколь важную роль в судьбах страны играют именно элитарные структуры и группы. Не гонясь за строгими дефинициями (которые, скорее всего, должны иметь исторические и ситуативные рамки), будем относить к ним властные и околовластные, обслуживающие и конкурирующие социальные структуры и группы, обладающие большими ресурсами культуры, опыта, активности. Отметим, что понятие "элита" охватывает не только группы, т.е. множества людей, но и соответствующие структуры, институциональные рамки и средства их деятельности — привычки, опыт, идеологии, организации и пр.

Противопоставление элитарных структур (соответствующих функционально специализированных групп, институтов, организаций, средств) и "масс" (слабо организованных, не исполняющих специфических функций и пр.) характерно преимущественно для традиционно-иерархических и модернизирующихся обществ ("догоняющая модернизация"). В первых из них элитарные структуры

обеспечивают сохранение социальных и культурных образцов, вторых, они выступают еще и в роли модернизаторов, инициаторов перемен. В развитых обществах такое разделение функций теряет смысл, поскольку действуют многочисленные более или менее автономные динамические факторы экономического, социального, глобального и прочих порядков.

В отечественной истории наиболее очевидна послепетровская тенденция элитарно-бюрократической модернизации, в рамках которой разворачивались практически все общественные потрясения и кризисы до начала XX в., а позже — советского и последующего периодов. Как стимулом, так и тормозом модернизации главным образом выступали соотношения сил внутри элитарных структур (а отнюдь не конфликты правящей элиты с угнетенной массой). Советский опыт явно относится ко второму (модернизационному) варианту, правда, с одной существенной оговоркой: преодоление вековой отсталости подавалось как созидание принципиально нового общества, заведомо превосходящего все известные образцы. Этим оправдывались попытки "перегнать" развитые страны с помощью системы принудительного труда и распределительной экономики. В конечном счете именно такие претензии отличали правящую элиту советского общества от лидеров многообразных военных диктатур в развивающихся странах "третьего мира".

Понятие "элита" применимо к советскому (как и постсоветскому) обществу с определенными оговорками: устойчивого слоя, социальной группы "избранных", продвинутых, более способных и т.п. не было в советской истории. К вершинам власти прорывались, сменяя друг друга, разные по составу и происхождению группы, члены которых чаще всего были довольно далеки от высот образования, опыта, нравственности. В этой ситуации правящая элита выступала согласно официальным определениям как "руководящая и направляющая сила" по отношению к обществу, т.е. сила, обладающая монопольной властью и монопольным правом поворачивать косную, инертную, "несознательную" массу на избранный путь. Поэтому она постоянно акцентировала свою обособленность от этой массы: "Мы, большевики, люди особого склада. Мы скроены из особого материала" (Сталин, 1924 г.). В последующие десятилетия, особенно к концу советской эпохи, претензии политической элиты ослабевали, лидеры перестали играть роль небожителей. Да и общество все труднее стало представлять в качестве инертной и послушной массы. Советско-модернизационная модель "элита—масса" практически исчерпала себя.

Можно полагать, что претензии правящей элиты при ограниченности ее ресурсов (образовательных, политических, личностных) привели к тому, что она оказалась самой неустойчивой социальной группой советского общества. С годами изменялись лишь проявления такой неустойчивости: в начальный период — связанные с

внутренней борьбой, поисками "врагов" и "виноватых", в последние периоды — с карьерными интригами и поколенческими разломами. Все политические кризисы советского времени — это кризисы внутри правящей элиты, неспособной вывести общество на "нормальный" путь и трансформироваться в "нормальный" для развитых стран институционализированный политический слой, при разделении властей, конкурентных выборах и пр.

В разные периоды своего существования в советской элитарной структуре провозглашались принципы "коллективного руководства" (в годы борьбы за высшую власть после 1923 г. и после 1953 г.). В период деградации и дискредитации правящей верхушки ("застойные" годы) чаще апеллировали к "научной" основе политического курса. На деле же сама пирамида абсолютного властного и доктринального господства советского типа нуждалась в абсолютном личном авторитете, в "культовой", как сейчас пишут, фигуре верховного вождя. И властвующая элита его создавала, лелеяла, терпя издевательства и расправы, а потом, уже после разоблачения сталинского террора, пыталась даже проецировать черты непогрешимого лидера на малопригодные для этой цели персоны (Н.Хрущева, Л.Брежнева): без "точного" завершения пирамида власти оказывалась неустойчивой. Сделать это не удалось не потому, что в политической верхушке не нашлось подходящей фигуры, а потому, что сама пирамида уже была серьезно размыта.

Персонализация высшего политического и морального авторитета в фигуре "вождя" была предложена обществу официальной пропагандой в середине 30-х годов и довольно охотно принята им. Стоит отметить, что "вождизм" со всеми его последствиями навязан общественному мнению "сверху". Харизматические качества, приписанные советским лидерам, имели черты "вторичной" харизмы, сформированной после прихода соответствующего деятеля к власти. (Единственное, может быть, исключение — Б.Ельцин, приобретший некоторые харизматические черты в воображении своих сторонников до прихода к власти и растерявший их в годы правления.) От политического деятеля, наделяемого "вторичной" харизмой, как показывает отечественная история, не требуется таких качеств, как дальновидность, эрудиция, красноречие. От него чаще ждут сочетания фанатической уверенности в собственной правоте и, конечно, умения приспособливаться к обстоятельствам и уровню запросов своего окружения ("полуфанатик, полуплут", — эта пушкинская формула здесь кажется вполне уместной).

Функциональная структура советского общества исключала существование специфически культурной элиты как создателя образцов и символов культуры. Ее роль сводилась к "строительству человеческих душ", естественно, по предначертаниям правящей верхушки и в ограниченной мере — к хранению культурного наследия. Для исполнения этого круга окол властных обязанностей

формировалась "новая интеллигенция". С трудом, но вынуждены были приспособиться к той же роли оставшиеся в стране люди из старой интеллигентской элиты. Иллюзия возвышения интеллигенции мелькнула и погасла с горбачевской перестройкой, т.е. в момент распада общественной системы.

Примерно к 60-70-м годам смена поколений в элитарных структурах, с одной стороны, и усложнение факторов социально-экономической и культурной динамики — с другой, привели к практически полной утрате этой функции элитарными структурами советского образца.

Нас долго учили тому, что на всех поворотах истории решающей силой являются "народные массы", массовые протесты, восстания и возмущения. Этот компонент социальной мифологии (использовавшийся революционными авантюристами, считавшими, или делавшими вид, что они действуют от имени народа) нуждается в основательном переосмыслении. Механизм общественных кризисов и переворотов значительно сложнее. Многие из них возникали, видимо, из-за нарушения какого-то баланса в элитарных или близких к ним социальных структурах. Напряженность между элитарными и массовыми структурами играла при этом скорее вторичную роль. Это показывает, в частности, и отечественный опыт XIX-XX вв. Ограничусь простым перечнем ситуаций: кризис царизма 1916-1917 гг., приведший к падению режима, внутрипартийные кризисы 1923-1925 гг. и 1953-1956 гг., приводившие к изменениям в элитарных структурах и механизмах власти, общесистемный кризис 1985-1991 гг., как и замыкающий его кризисный период 1999-2000 гг. — все это процессы, генерированные сдвигами "в верхах". (За скобками оставим пока октябрь 1917 г., хотя и тогда в динамике процессов явно доминировали конфликты окол властного уровня.) Во всех случаях собственно низовые факторы скорее использовались различными элитарными группами в своих интересах, чем двигали ими. Результатом таких кризисов не обязательно является демонстративная смена режима, ими могут быть и перестановки во властных структурах, модификации институтов и пр.

Как известно, инициировавшая перестройку часть партийно-государственной элиты была заинтересована преимущественно в совершенствовании средств поддержания собственного статуса. Демократические течения не имели ни сил, ни решимости играть самостоятельную роль и определять общественные ориентиры. В результате ни накануне общественно-политических сдвигов (перед 1985 г.), ни в последующие годы потрясений и поворотов в стране не существовало новой или альтернативной элиты. А сохранявшая реальную власть государственная верхушка советского образца — при обновленных названиях и конфигурациях — была заинтересована преимущественно в самосохранении, устройстве собственных дел и т.п. Поэтому, в частности, в России не были

возможны ни продуманная дальновидная реформа, ни "революционная" ломка старой системы. Радикально настроенная "команда Гайдара" за год работы смогла лишь создать ситуацию "обвала", запустив механизмы рыночных отношений и оставив открытыми проблемы их социальных последствий.

Роль массовых факторов (намерений, настроений, действий) в этих процессах неизменно оставалась вторичной, "зрительской". Если использовать грамматические аналогии, то эти факторы участвовали только в страдательном залоге — поддерживая, сомневаясь, не доверяя и т.д., но не влияя активно на сам ход происходящих событий. Лишь в редкие моменты (типа президентских выборов 1996 г.) политическая элита нуждалась в действенной (чисто электоральной) массовой поддержке и стремилась ее мобилизовать.

Как можно представить себе перспективу элитарных структур и групп в нашем обществе? Очевидно, что "повторение пройденного" принципиально невозможно. Ни сословные, ни "комиссарские" функции, ни культуртрегерский мессианизм никогда впредь не будут востребованы. Равно как и личностная харизма "спасителя" или "преобразователя", — сколько бы ни раздавалось по этому поводу модных всхлипываний. Реальной является лишь долгая — особенно по меркам российского "революционного" нетерпения — перспектива формирования институтов и конструкций гражданского общества, где не может быть ни обособленных элит, ни одержимых харизматиков.